

Языковые средства представления пространства в городском тексте

Елена Николаевна Пугачева
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Владивосток, Россия, Elena.Pugachva@vvsu.ru

Аннотация. Статья посвящена раскрытию текстовой категории пространства в городском тексте на материале произведений М.В. Щербакова. В настоящей статье текст представлен как законченный продукт речевой деятельности, анализируются текстовые фрагменты с точки зрения их семантики и использования грамматических средств и регистров речи, представлена классификация языковых средств, формирующих коммуникативное пространство владивостокского текста.

Ключевые слова: *локальный текст, городской текст, пространство, текстовая категория*

Для цитирования: Пугачева Е. Н. Языковые средства представления пространства в городском тексте // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2. С. 152–161. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/152-161>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/152-161>

Linguistic means of representing space in the urban text

Elena N. Pugacheva
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, Elena.Pugachva@vvsu.ru

Abstract. The article is devoted to the disclosure of the textual category of space in the urban text based on the material of the works of Mikhail V. Shcherbakov. In this article, the text is presented as a complete product of speech activity, text fragments are analyzed from the point of view of their semantics and the use of grammatical means and speech registers, the classification of language means forming the communicative space of the Vladivostok text is presented.

Key words: *local text, urban text, space, text category*

For citation: Pugacheva E. N. Linguistic means of representing space in the urban text // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 2. P. 152–161. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/152-161>

В настоящее время в различных областях знаний (социологии, политологии, философии) наблюдается тенденция к поиску региональной идентичности; исследователи широко используют понятие *регионализм*. Истоки регионализма исследователи находят в культурном опыте и исторических традициях регионов. В конце XX века были предприняты попытки классифицировать и типологизировать различные формы и разновидности регионализма. Так, А.С. Макарычев диссоциативный регионализм связывает с понятиями *децентрализация, территориальная идентичность, локализм и региональная автономия* [10]. В.Н. Стрелецкий рассматривает регионализм как культурный феномен с двух точек зрения: в качестве культуры в географическом пространстве, а также как географическое пространство в самой культуре [13, с. 127]. По мнению автора, регионализм как феномен культуры определяется достаточно большим количеством индикаторов; к числу важнейших индикаторов регионализма В.Н. Стрелецкий относит региональное самосознание, или самоотождествление людей с той или иной территорией и местной языковой системой.

Филологическая наука не осталась в стороне: появилась специфическая отрасль – литературное краеведение, которое установило связь между литературной историей края и культурным творчеством, которое включает в себя исторически сложившиеся и зафиксированные в художественных текстах и документах территории проживания, верования, традиции, культурный опыт людей, проживающих на данной территории.

В рамках нового направления – литературной регионалистики – получили масштабное описание различные виды локальных текстов: пермский текст, крымский текст и др. Истоки дальнейшего глубокого изучения локальных текстов лежат в работе В.Н. Топорова, его идея в дальнейшем была подхвачена в исследованиях московского текста (И. Б. Делекторская, В. В. Калмыкова). Н.Е. Меднис параллельно с этим разработала теорию сверхтекста (глобальное единство, совокупность текстов, связанных общей идеей и привязанных к месту), и это понятие стало продуктивным для исследователей географически маркированных текстов, так как оно позволяет объединить

разные тексты об одном месте в определённое содержательное единство. В лингвистической науке эта тенденция выразилась в том, что появились многочисленные работы, описывающие языковые особенности регионально обусловленных текстов.

Определённую проблему составил выбор самого термина, именующего тексты такого рода. Впервые к понятию *локальный текст* обращается В.В. Абашев: "Его [текст] следовало бы назвать локальным, поскольку он поставлен в соответствие локусу и формируется из его семиотических ресурсов" [1, с. 36]. Согласно приведенным лингвистическим исследованиям, текст всегда локусно привязан к месту и формируется вокруг городов: московский, петербургский, таллиннский; регионов: сибирский, крымский; кроме того, исследователи отмечают формирование локального текста вокруг так называемых экстранациональных локусов (лондонский, флорентийский). При этом текст выступает одновременно как текст культуры – город как текст – отсюда специфика текстового пространства, характерная для конкретного локального текста, – и как текст литературы. Такая позиция представлена в исследованиях В.Н. Топорова, В.В. Абашева, Н.Е. Меднис и др.

Проблема образования и функционирования текста возникла на пересечении лингвистики, литературоведения, поэтики, семиотики и обусловила формирование особой отрасли лингвистики – лингвистики текста. Проблема рассмотрения и изучения текста как особой языковой единицы, отличающейся от других единиц языка и речи, приобрела особую актуальность. Среди ученых нет единого мнения о лингвистике текста и его принадлежности к единицам языка или речи. Приведем общеизвестное мнение М.М. Бахтина о тексте: "связный знаковый комплекс, который строится по законам языка, содержащего для этой цели лексические средства, местоимения, временные и модальные формы, воспроизводимые и повторяющиеся при построении текстов" [2, с. 281]. В продолжении идеи М.М. Бахтина Г.В. Колшанский говорит о тексте как о моделируемой единице языка: микросистемой, "способной воплощать в себе отображаемые в человеческом знании системные знания мира, является текст, который и функционирует в обществе в качестве основной языковой единицы" [7, с. 35]. Напротив, И.А. Зимняя не относит текст к языку или речи, считая текст более сложным явлением [5, с. 192]. В нашем исследовании мы вслед за А.А. Леонтьевым, Н.Д. Зарубиной и др. исследователями понимаем текст как любой законченный продукт речевой деятельности [4, с. 11].

Теоретической базой послужили исследования локальных текстов В.В. Абашева, В.Н. Топорова, Н.С. Милянчук, А.В. Попова, Л.М. Гаврилиной, лингвистики текста М.М. Бахтина, Г.В. Колшанского, А.А. Леонтьева, литературоведческого аспекта текста Н.В. Шевченко, Э.Ф. Щербиной, Л.А. Ноздриной.

Фактическим материалом исследования стали фрагменты текстов малоизученных произведений М.В. Щербакова "Корень жизни", "Кадет Сева", "Последний рейс" из сборника "Одиссеи без Итаки" [15], локусно привязанные к Владивостоку. Произведения, составившие сборник, разнообразны по сюжетному наполнению, мы же исследовали собранные методом сплошной выборки фрагменты произведений, в которых отражена панорама города Владивостока, городской пейзаж, изображение города, пропущенные сквозь призму восприятия автора.

Многоаспектный характер изучаемой проблемы определил необходимость привлечения следующих методов исследования: метод контекстуального анализа, метод лингвистического описания средств представления пространства в городском тексте. Материал для анализа выбран из оригинальных источников на русском языке.

Изучение локальных текстов является актуальным по нескольким причинам. Во-первых, выбранное нами направление исследования локального текста отражает современную тенденцию к поиску региональной идентичности в различных областях знания. Во-вторых, изучение языкового сознания и функциональный анализ исследуемого материала дает возможность более глубокого проникновения в особенности функционирования категории пространства и позволяет рассмотреть некоторые способы вербализации имплицитных смыслов в художественных текстах М.В. Щербакова.

В нашей работе локальный текст исследуется с точки зрения функционального синтаксиса, классифицируются синтаксические средства, играющие ключевую роль в формировании текстового пространства города; исследование локального текста позволяет выявить ряд стилистических эффектов, формирующих в тексте неповторимое лицо города Владивостока. Исследование дальневосточного и владивостокского текста является уникальным, так как до сих пор в отечественной лингвистике и литературоведении нет исследований, посвященных изучению образа города, классификации синтаксических средств, формирующих коммуникативное пространство владивостокского текста.

Исследованием и описанием локальных текстов занимались такие исследователи, как В.Н. Топоров, Н.С. Милянчук, А.В. Попов, Л.М. Гаврилина. А.В. Попов исследует проблемы интерпретации художественной символики локального текста и понимает под локальным текстом речевое произведение, географически локализованный "коммуникативно-направленный и прагматически значимый сложный знак лингвистической природы" [12, с. 170]. Л.М. Гаврилина говорит о своеобразной "знаковой манифестации специфики локуса" в локальном тексте [3, с. 45] и выдвигает предположение, что в качестве локального текста может быть рассмотрен любой локус, и "это является закономерным следствием и продуктом социокультурной деятельности, в ходе которой человек не только физически преобразует окружающий мир, но и семиотизирует его, приобщая к семиосфере национальной культуры" [3, с. 48]. В.Н. Топоров, исследуя феномен Петербурга, обозначает петербургский текст как устройство, "с помощью которого и совершается переход а *realibus ad realiora*, пресуществление материальной реальности в духовные ценности, отчетливо сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата и в свою очередь требует от своего потребителя умения восстанавливать ("проверять") связи с внеположенным тексту, внетекстовым для каждого узла Петербургского текста" [14, с. 7]. Н.С. Милянчук ставит вопрос о существовании дальневосточного текста как определенной разновидности текстовой структуры художественных и публицистических произведений о российском Дальнем Востоке [11, с. 178] и выделяет в дальневосточном тексте "специфическую семантическую и коммуникативно-грамматическую структуру, которая отражает идею освоения обширных пространств, преодоления трудностей, идею выживания в борьбе со стихией, с враждебными силами" [11, с. 178]. Таким образом, локальный текст – это законченный продукт речевой деятельности, продукт социокультурной деятельности, обладающий специфической семантической и коммуникативно-грамматической структурой, отражающей характерные черты определенного локуса.

Следует отметить, что синтаксический анализ текста невозможен без осознания взаимосвязи значения и формы, без учета смысла, который передается с помощью данной формы, поэтому семантико-синтаксический анализ является важнейшим компонентом анализа текста. На этапе такого анализа каждая лексема осознается и описывается уже как синтаксема, т.е. как "минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений" [6].

Локус имеет определенное концептуальное пространство. В результате накопления информации и ее дальнейшей мифологизации формируется особый фрагмент картины мира, который репрезентуется в тексте. Один из основных концептов каждой культуры – пространство и время. Пространство – это не только форма мира, это и локализация человеческого существования.

Практически во всех исследованиях, посвященных литературоведческому аспекту текста, в частности в работах Н.В. Шевченко, Э.Ф. Щербиной, Л.А. Ноздриной, выделяются категории художественного пространства и времени. Так, в работе "Пространство и текст" В.Н. Топоров упоминает два модуса восприятия пространства: "ньютоновское" пространство автор понимает как нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами; пространство в концепции Лейбница, напротив, как относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования этих объектов. Ученые сходятся во мнении, что ка-

ждая культура по-своему выражает свое отношение к пространству; это отношение к пространству и получает репрезентацию в локальном тексте.

Текст представляет собой художественное единство и языковую ценность, совокупностью которой выступают его семантические и формальные признаки. Текстовое пространство позволяет провести классификацию самых разных функционально-семантических типов речи, ее регистров. Проанализировав 60 выбранных нами текстовых фрагментов с точки зрения закреплённости текстовой структуры, мы пришли к выводу, что во всех анализируемых фрагментах представлена текстовая структура нарративного типа репродуктивно-изобразительного коммуникативного регистра:

(1) *Владивосток же тем временем из жалкой стоянки 3-й роты Четвертого линейного батальона, к которой когда-то пристал капитан Дек, постепенно расцветал в значительный порт, и по тем окрестным сопкам, куда раньше тигры уносили зазевавшихся голопузых корейчат, пролегли сначала ровные просеки, а затем – настоящие улицы, и на главной – Светланке – стали выростать вместо временных, почерневших и рубленых, – настоящие краснокирпичные домики [15, с. 172].*

Семантическими доминантами рассматриваемых нами фрагментов владивостокского текста являются движение, перемещение, активность. Владивосток выступает конечной точкой, землей обетованной. Жители Владивостока всячески пытаются обустроиться: многолюдные улицы, толкотня, постоянное перемещение – это проявляется в частотности использования акциональных глаголов, в первую очередь, движения и перемещения, а также осложнений, выраженных деепричастиями с зависимыми словами:

(2) *А капитан вышел на улицу, под яркое солнце и пошел, втянув голову в плечи, по Светланке, смотря прямо перед собой [15, с. 180].*

(3) *Капитан Дек прошел мимо памятника и остановился у паркета на самом краю ската [15, с. 180].*

(4) *Через два часа "Стороож", густо надымив по рейду, к полному удивлению портовых властей, уже миновал Русский Остров и начал, завернув вправо за Ослиными Ушами, полным ходом пересекать Амурский залив [15, с. 181].*

Визуальное пространство рассматриваемых фрагментов отражает реальные предметы, собранные взглядом наблюдателя, и описывается глаголами перцептивного (зрительного, слухового, обонятельного) восприятия. Лексика перцептивного восприятия, играющая ключевую роль в художественном воссоздании городского пространства Владивостока, представляет многочисленную группу:

1) зрительного – преобладание желтого цвета, света, яркого солнца – ср. тьма в петербургском тексте:

(5) *бледно-янтарный, медвяный, пахучий шведский пунш в бутылках с золотыми гроздьями винограда на ярлыках [15, с. 169].*

(6) *яркая, слепящая приморская весна [15, с. 177].*

(7) *яркое солнце [15, с. 180].*

(8) *на посыпанную желтым песочком площадку [15, с. 180].*

(9) *по желтым срывистым сопкам смутно различались пятна бетонных фортов [15, с. 180].*

(10) *огнисто-розовые зайчики от кем-то подожжённой барахолки [15, с. 249].*

(11) *ослепительный фиолетовый сноп прожектора [15, с. 249].*

2) Слухового – частотными в исследуемых фрагментах являются аудиальные глаголы со значением "звукоизвлечения":

(12) *В порту около "Стороожа" тарыхтели цепями лебедки, галдели грузчики [15, с. 181].*

(13) *громыхал гонг, напрягая звук, и визжали дудки и однострунные скрипичи [15, с. 35].*

3) обонятельного:

(14) *поднялся мимо пахучих торговых рядов по крутой улице и плотно закусил в харчевне под вывеской "Каледония" [15, с. 30].*

(15) *дышали разложенные цветистыми горками тропические фрукты, убивая своим ароматом китайскую вонь [15, с. 35].*

(16) *тошно от всех этих чуждых запахов и звуков, его потянуло туда, где были белые люди, а не эти скользкие черные фигуры, от которых так явственно пахло смертью [15, с. 35].*

(17) *от темных ручейков, сохших под подворотнями, подымался таковой пронзительный смрад, что Николай Тимофеевич сплюнул и выругался [15, с. 31].*

Обращает на себя внимание преобладающая световая доминанта, громкость, шум. Категория перцептивности является способом воспроизведения в тексте фрагментов окружающего мира, событий действительности и др., которая опосредуется наблюдателем – участником ситуации, персонажем, автором текста – совпадающим или не совпадающим с субъектом речи (говорящим).

Большой интерес для исследования представляет группа лексики, играющей ключевую роль в изображении многолюдных картин города. Описываемые языковые средства позволяют выявить стилистические эффекты – речевое намерение автора вызвать у читателя определенную эмоциональную реакцию. Синтаксис владивостокского текста направлен на создание многолюдности и масштабности событий:

1. Многочисленность, разнообразие человеческой массы. В данной группе обращают на себя внимание частные морфологические свойства используемой лексики, а именно: абсолютное преобладание формы множественного числа:

(18) *Они привозили и увозили разный люд: многосемейных старовров-переселенцев, "шатунов" – искателей легкого счастья, военных в белых кителях, каторжную кандальную шпану [15, с. 172].*

(19) *В коридорчиках из облапленного, почерневшего кирпича с темными подтеками шмыгали и торопились ходи в халатах и синих курмах, растегаемых на медно-красной груди [15, с. 30].*

(20) *Белые лица исчезли так же, как и крашенные дома [15, с. 30].*

(21) *От скудных лампочек, особенно когда с ними спорит луна, зелень кажется жёсткой и тёмной, лица же с резкими рембрандовскими тенями – красивой, значительней [15, с. 245].*

(22) *И в этот городок, прилипший ласточкиными гнёздами к обрывам сопок, которые выперли то пасхами, то куличами, то просто шишами какими-то, – сколько людей, сколько пламенных надежд лилось в него в двадцатых годах из агонизировавшей России, из оцетинившейся зеленохойной Сибири, из благодатного Крыма, с Кавказа, из Туркестана, через волнистые барханы Гоби, через жжёные Монгольские степи и даже окружным путём – по морщинистым лазурным зеркалам тропических морей!.. [15, с. 243].*

2. Следующая группа представлена в тексте субстантивной лексикой и выражена изобразительным регистром, подчеркивающим преобладающие национальные черты и неоднородность человеческой массы – этническое, социальное, профессиональное разнообразие:

(23) *Потом он прошел по шикарней Светланке, где милицейские и подрумяненные женщины в легком косились на его таежный костюм, побрился, подстригся, завернул налево и потонул в паутине узких переулков и закоулков [15, с. 30].*

(24) *На следующий день после обеда, пока лодочник ругался с другими "юли-юли", пробиваясь к берегу среди леса голых мачт, он благополучно выпрыгнул на камни Семеновского базара [15, с. 30].*

(25) *Точно вся прежняя Россия, найдя себе отсрочку на три года, микроскопически съѣжилась в этом каменном котле, чтобы снова расплзтись оттуда по всем побережьям Тихого океана, пугая кудластыми вихрами и выгоревшими гимнастёрками колониальных мисс и шоколадных филиппинок... [15, с. 244].*

(26) *И каких только людей туда не заносило: вот какой-нибудь бородастый до самых глаз дядя в торбазах и оленьей кухлянке продаёт ходе-китайцу мешочек золотого песку, намытого под Охотском [15, с. 244].*

(27) *А рядом меняет свои лиры оливковый поджарый итальянчик и мерно работает челюстями над жвачной резинкой точно топором рублённый янки-матрос [15, с. 244].*

(28) *И повсюду – неусыпное око – шныркие коротконогие японцы, кишевшие во всех концах города, расплзшиеся по всем окрестным пороховым*

складам и фортам могучей прежде крепости. Точно муравьи на холодеющей лапе недобитого зверя... [15, с. 244].

Эффект национального разнообразия создается в изобразительном регистре указанием на элементы разных культур, что вызывает усиление семантики:

(29) Там, на тротуарах, китайцы уже зажигали рядом со своими лотками, прямо на земле, тысячи фонариков, как в России, когда святят пасхи [15, с. 35].

(30) После обычных вежливостей и чашек бледно-зеленого чая охотник перешел к делу [15, с. 32].

(31) Дойдя до ворот, по бокам которых, кроме черных дощечек с вязью иероглифов, висела вывеска с безголовым офицерским мундиром прошлого века, он уверенно пересек дворик, обогнул два угла и, пройдя коротким тоннелем, поднялся прямо со двора во второй этаж по сквозной чугунной лестнице [15, с. 10].

При погружении в текстовое пространство субъект восприятия мыслит себя в тех событиях, которые он пережил (видел) сам; это область непосредственного "переживания" времени; настоящее или прошедшее время в тексте связано с реальностью наблюдаемого (сейчас или тогда). Грамматический аспект категории времени в анализируемых текстовых фрагментах представлен видовременными формами глагола. Например, настоящее время имперфектного глагола обозначает действие в его "неизменчивой" протяженности, длительности, незавершенности:

(32) Владивосток же тем временем из жалкой стоянки 3-й роты Четвертого линейного батальона, к которой когда-то пристал капитан Дек, постепенно расцветал в значительный порт, и по тем окрестным сопкам, куда раньше тигры уносили зазевавшихся голопузых корейчат, пролегали сначала ровные просеки, а затем – настоящие улицы, и на главной – Светланке – стали вырастать вместо временных, почерневших и рубленых, – настоящие кирпичные домики [15, с. 172].

Городская среда: дома, казармы, суда – с одной стороны, суровая, некомфортабельная, неустроенная. А с другой стороны, гедонистическая – трактир, танцы, бордели, опиум:

(33) Под ним, нежась в солнечном ветре, бирюзово, лилово, переливаясь из сапфиров в изумруды, просторно расстился великолепный рейд [15, с. 180].

(34) У многочисленных причалов и пристани торчали мачты парусников, опутанные нитями снастей, прилежно вывалили дымки пароходные трубы [15, с. 180].

(35) Сам рейд был сейчас пустынным. Только далеко вправо, у входа в бухту, стояла на буйке, как одинокий привратник, игрушечная брандвахта, а напротив, у Чуркина мыса, где выводили стены новых длинных казарм, скользила, наклоняясь к воде, какая-то белоснежная яхточка, будто кто медленно тянул ее на веревочке [15, с. 180].

(36) Как дался в руки белого дьявола священный Корень? Как допустил это гений-охранитель? – думал старик, следя, как вздувается на кончике иглы над лампочкой коричневая слеза опиума. И только окутавшая его пелена тяжелого сладкого дыма, выливавшаяся из массивной трубки, несколько успокоила возбуждение [15, с. 34].

(37) Николай Тимофеевич твердо помнил, что ему нельзя пить водку до тех пор, пока он не разделается с Корнем Жизни, но к их столику подседа знакомая шансоньетка, и он разрешил себе маленький графинчик жгучей и терпкой влаги. Он разошелся, заказал своей даме какой-то удивительный пунш, горевший синими языками, и даже попробовал было дирижировать оркестром на эстраде [15, с. 36].

(38) Если вы жили во Владивостоке, то, наверное, уезжали по воскресеньям на платформу "Девятнадцатой Версты", и если вы не слишком стары, то попадали вечером на дачную танцульку На пыльном круге, а ещё сильнее в садике, рядом, темновато. От скудных лампочек, особенно когда с ними спорит луна, зелень кажется жёсткой и тёмной, лица же с резкими рембрандовскими тенями – красивой, значительней [15, с. 245].

Синтаксические средства, выявленные в анализируемых текстовых фрагментах, создают панораму, картину многокомпонентного изображения, отражают подвижность людей. К ним относятся конструкции простого предложения с неприсловной полупредикативной связью, выраженной дееспричастным оборотом, вербальные конструкции с акциональными глаголами:

(39) *Из-под больших зонтов дышали разложенные цветистыми горками тропические фрукты, убивая своим ароматом китайскую вонь* [15, с. 35].

(40) *В ресторанчиках с цветными стеклами громыхал гонг, напрягая звук, и визжали дудки и однострунные скрипичи* [15, с. 35].

А также сложносочиненные и сложноподчиненные безличные предложения, отражающие общее состояние безысходности, описанное в тексте:

(41) *"Охотнику сделалось тошно от всех этих чуждых запахов и звуков, его потянуло туда, где были белые люди, а не эти скользкие черные фигуры, от которых так явственно пахло смертью"* [15, с. 35].

К синтаксическим средствам связи относятся и сложные предложения, содержащие в своей структуре сочинительные ряды, используемые для усиления семантики:

(42) *Выйдя на Светланку, он невольно оглянулся вправо: там, сверху и между геометрическими утесами домов, еще пылала яростно заревающая щель, раздавленная плоскими чернильными тучами. Но из Гнилого Угла уже тянул через залив навстречу толпе морозистый туман, наполнив бухту, переливался через парапеты Невельского сада и неся к закату по улице отдельными волокнами, не расплывающимися в воздухе и не теряющими формы* [15, с. 35].

Субстантивные и вербальные конструкции с прилагательными и частями, используемые автором, изображают Владивосток и являются неотъемлемой частью повествования:

(43) *И когда ветер из Гнилого Угла, нанося ключья туч, укутывал Владивосток в вату упорного крупного тумана, капитан Дек поднимал, обычно первым, свой якорь и уходил на Север* [15, с. 171].

(44) *Вскоре затем наступила весна, — яркая, слепящая приморская весна* [15, с. 177].

В анализируемых фрагментах представлены стилистические приемы: антитезы – противопоставления, позволяющие автору показать свое отношение к описываемому субъекту или объекту:

(45) *Владивосток жёлт и сер, а остров совсем зелёный* [15, с. 243].

Кроме того, также имеют место сравнения:

(46) *И повсюду — неусыпное око — шныркие коротконогие японцы, кишевшие во всех концах города, расплзшиеся по всем окрестным пороховым складам и фортам могучей прежде крепости. Точно муравьи на холодеющей лапе недобитого зверя...* [15, с. 244].

(47) *Край развивался быстро и упорно, как дичок яблони после прививки* [15, с. 172].

Кроме того, в анализируемых текстовых фрагментах находим яркое проявление характерного для всех произведений эмигрантской прозы русского Дальнего Востока противопоставления Восток-Запад:

(48) *Но не русская — ленивая и мирная, а притаившаяся, настороженная, какая-то враждебная. Азию всё-таки чувствуешь* [15, с. 245].

(49) *Вот зато на самом танцевальном круге чужого как будто и нет: те же обязательные чахлые берёзки, как в какой-нибудь Малаховке под Москвою, та же не в меру бойкая волторна в оркестре и тот же извечный вальс "Лесная сказка"* [15, с. 245].

Отличительной чертой городского текста М. Щербакова являются представленные в изобразительном регистре пространственные описания:

(50) *И когда ветер из Гнилого Угла, нанося ключья туч, укутывал Владивосток в вату упорного крупного тумана, капитан Дек поднимал, обычно первым, свой якорь и уходил на Север* [15, с. 171].

(51) *Слева полого вытянулся Чуркин мыс с детскими кирпичиками домиков и дубняком по плешистым скалам; справа — мыс Басаргин запустил в океан свою голую, обглоданную солеными ветрами лапу, из которой выплыл*

далеко в море бело-сахарный маячок на тонкой изогнутой нитке Токаревской кошки: ветер с берега, вот его и отнесло [15, с. 243].

Пространственные описания создают, с одной стороны, движение тумана, с другой стороны, позволяют выявить особый тягучий синтаксис, характерный для владивостокского текста:

(52) Обычно же, заведев на туманном дождевом горизонте трубу "Сторожа", хищник бросался наутек, стараясь использовать каждый дюйм своих парусов, и тогда начиналась ожесточенная долгая охота, в которую капитану Деку приходилось вкладывать все свое искусство моряка и все свое знание Северного моря [15, с. 174].

(53) Но из Гнилого Угла уже тянул через залив навстречу толпе морозистый туман, наполнив бухту, переливался через паранеты Невельского сада и неся к закату по улице отдельными волокнами, не расплывающимися в воздухе и не теряющими формы [15, с. 35].

(54) Мостовая быстро почернела сыростью, толпа в белом передернула плечами после дневного зноя и поредела [15, с. 35].

Частотным в текстах М. Щербакова является употребление в конструкциях простого и сложного предложения согласованных и несогласованных определений:

рыхлый, зернистый лед; вата упорного крупного тумана; яркая, слепящая весна.

Дескриптивные (описательные) глаголы принимают активное участие в создании светового/звукового фона и цветовой гаммы владивостокского текста. Данные языковые средства наиболее часто выступают в создании природных образов, передавая, скорее, не действие, а признак предмета:

(55) Там уже все цвета радуги скользят, играют, плещутся и затухают на воде [15, с. 243].

(56) А выйдешь за калитку — и в двух шагах уже морской берег в густых травах и кровавом шиповнике по топкому песку, откуда виден темный мыс, густо посыпанный мелкими дачными огоньками, видна гористая даль по ту сторону залива, над которой ещё долго после заката не тухнет под тяжёлыми тучами огненно-лиловая зарева шель [15, с. 245].

(57) И над всем Амурским заливом плывёт парная широкая тишина... [15, с. 245].

(58) — Валечка! — заспешил он. — Идите скорей!.. Смотрите: море горит! Чудно!.. Изумительно!.. Пожар, ну... ну... прямо — настоящий пожар!... [15, с. 245].

(59) Выйдя на Светланку, он невольно оглянулся вправо: там, сверху и между геометрическими утесами домов, еще пылала яростно зарева шель, раздавленная плоскими чернильными тучами [15, с. 35].

(60) Волны ритмично клеткали под носом, свиваясь и развиваясь в жемчужные ускользавшие водовороты [15, с. 181].

Проведенный семантико-синтаксический анализ позволяет сделать вывод о том, что в реализации пространства городского текста М.В. Щербакова важную роль играют лексические, морфологические и синтаксические средства. Анализ используемых стилистических приемов выявил изобразительный регистр, преимущественно используемый автором в пейзажных и пространственных описаниях. Глаголы со значением "излучение света" (*блестеть, светиться* и под.), наблюдаемые в тексте, выступают в прямых значениях и придают авторским пейзажным зарисовкам не только дополнительную яркость и свечение, но и заряжают их мажорным настроением. Данный прием позволяет сформировать неповторимый образ города Владивостока и создать особое настроение участника ситуации и в целом владивостокского текста — жизнерадостное, лучистое, полное надежд.

Литература

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. / В. В. Абашев. – Пермь: Звезда, 2008. 399 с.
2. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках// Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 281–307.
3. Гаврилина Л.М. Диалог культур в пространстве калининградского локального текста// Диалог культур: поэтика локального текста: Материалы V международной научной конференции. Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г./ под ред. П.В. Алексеева: В 2-х т. Т. 2 Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. С. 45–48.
4. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты / Н. Д. Зарубина. М.: Рус. яз., 1981. 113 с.
5. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО "МОДЭК", 2001. 432 с.
6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998; 2 изд. М., 2004, 524 с.
7. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984. С. 35.
8. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города/ Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры : Петербург. Тарту: Тартуский университет, 1984. С. 30–45.
9. Лурье М. Л. Элементы локального текста: методика контекстного анализа [Электронный ресурс] / М.Л. Лурье. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls10_program_lurye.htm. (дата обращения: 15.12.2021).
10. Макарычев А.С. Выступление на "круглом столе": "Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования" [Электронный ресурс] / А.С. Макарычев. URL: <http://www.kennan.yar.ru/materials/profi2/part2/sect45.htm>. (дата обращения: 15.12.2021).
11. Милянчук Н. С. К вопросу о "географической" типологии текстов: существует ли "дальневосточный" текст? / Н. С. Милянчук // На перекрестках филологических дорог: сборник статей к юбилею доктора филологических наук профессора Елены Александровны Первушиной / [отв. ред. Т. И. Петрова]. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2014. С. 177–185.
12. Попов А.В. Проблемы интерпретации художественной символики локального текста (на примере стихотворений Г.В. Кондакова)// Диалог культур: поэтика локального текста: Материалы V международной научной конференции. Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г./ под ред. П.В. Алексеева: В 2-х т. Т. 2 Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. С. 170.
13. Стрелецкий В.Н. Культура как географическая реальность и научные традиции в культурной географии // Рефлексивность социальных процессов и адекватность научных методов. Пятое Сократическое чтения / под ред. В.А. Шупера. М.: Эслан, 2004. С. 127–141.
14. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб: Искусство СПб, 2003. 321 с.
15. Щербakov М.В. Одиссеи без Итаки/ Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы/ Сост., комм. и вступит. ст. А. Колесова (Серия "Восточная верфь") Владивосток: Рубеж, 2011. 480 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abashev V. V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature XX v. / V. V. Abashev. – Perm': Zvezda, 2008. 399 s.
2. Bakhtin M.M. Problema teksta v lingvistike, filosofii i drugikh gumanitarnykh naukakh// EHstetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979. S. 281–307.
3. Gavrilina L.M. Dialog kul'tur v prostranstve kaliningradskogo lokal'nogo teksta// Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta: Materialy V mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Gorno-Altajsk, 26–29 sentyabrya 2016 g./ pod red. P.V. Alekseeva: V 2-kh t. T. 2 Gorno-Altajsk: RIO GAGU, 2016. S. 45–48.
4. Zarubina N.D. Tekst: lingvisticheskij i metodicheskij aspekty / N. D. Zarubina. M.: Rus. yaz., 1981. 113 s.
5. Zimnyaya I.A. Lingvopsikhologiya rechevoj deyatel'nosti. M.: Moskovskij psikhologo-sotsial'nyj institut, Voronezh: NPO "MODEHK", 2001. 432 s.
6. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.YU. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. M., 1998; 2 izd. M., 2004, 524 s.
7. Kolshanskij G.V. Kommunikativnaya funktsiya i struktura yazyka. M., 1984. S. 35.
8. Lotman YU. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda/ YU. M. Lotman // Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury : Peterburg. Tartu: Tartuskij universitet, 1984. S. 30–45.
9. Lur'e M. L. EHlementy lokal'nogo teksta: metodika kontekstnogo analiza [EHlektronnyj resurs] / M.L. Lur'e. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls10_program_lurye.htm. (data obrashheniya: 15.12.2021).

10. Makarychev A.S. Vystuplenie na "kruglom stole": "Vliyanie zarubezhnykh kontseptsij na razvitie rossijskogo regionalizma: vozmozhnosti i predely zaimstvovaniya" [EHlektronnyj resurs] / A.S. Makarychev. URL: //http://www.kennan.yar.ru/materials/profi2/part2/sect45.htm. (data obrashheniya: 15.12.2021).

11. Milyanchuk N. S. K voprosu o "geograficheskoj" tipologii tekstov: sushhestvuet li "dal'nevostochnyj" tekst? / N. S. Milyanchuk // Na perekryostkakh filologicheskikh dorog: sbornik statej k yubileyu doktora filologicheskikh nauk professora Eleny Aleksandrovny Pervushinoj / [otv. red. T. I. Petrova]. Vladivostok: Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet, 2014. S. 177–185.

12. Popov A.V. Problemy interpretatsii khudozhestvennoj simvoliki lokal'nogo teksta (na primere stikhotvorenij G.V. Kondakova) // Dialog kul'tur: poehtika lokal'nogo teksta: Materialy V mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Gorno-Altajsk, 26–29 sentyabrya 2016 g./ pod red. P.V. Alekseeva: V 2-kh t. T. 2 Gorno-Altajsk: RIO GAGU, 2016. S. 170.

13. Streletskij V.N. Kul'tura kak geograficheskaya real'nost' i nauchnye traditsii v kul'turnoj geografii // Refleksivnost' sotsial'nykh protsessov i adekvatnost' nauchnykh metodov. Pyatye Sokraticheskie chteniya / pod red. V.A. SHupera. M.: EHslan, 2004. S. 127–141.

14. Toporov V.N. Peterburgskij tekst russkoj literatury: izbrannye trudy. SPB: Iskusstvo SPB, 2003. 321 s.

15. SHHerbakov M.V. Odissei bez Itaki/ Povest', rasskazy, ocherki, stikhi, perevody/ Sost., komm. i vstupit. st. A. Kolesova (Seriya "Vostochnaya verf") Vladivostok: Rubezh, 2011. 480 s.

Информация об авторе

Елена Николаевна Пугачева, старший преподаватель кафедры русского языка Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Владивосток, Россия, e-mail: Elena.Pugachva@vvsu.ru

Information about the author

Elena N. Pugacheva, Senior Lecturer, Russian Language Department, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia, e-mail: Elena.Pugachva@vvsu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 25.12.2021

Одобрена после рецензирования

(Revised) 04.05.2022

Принята к публикации

(Accepted) 16.05.2022